

Л.Д. Широкоград

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РАБОТАХ В.М. ШТЕЙНА

Будучи необыкновенно эрудированным и разносторонним экономистом, человеком огромной культуры, В.М. Штейн не мог не проявлять глубочайшего интереса к вопросам истории экономической мысли. Впервые такой интерес возник уже на раннем этапе его творческой деятельности. 6 сентября 1917 г. на заседании Отделения исторических наук и филологии Российской Академии наук В. Штейн сделал доклад, посвященный столетию выхода в свет «Принципов политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо. Докладчика представил П.Б. Струве.

Обобщая всю огромную иностранную и российскую литературу, в которой содержался анализ теоретических взглядов Рикардо, В. Штейн сделал попытку дать современную для того времени оценку этих взглядов. Он согласился со своими предшественниками в том, что секрет успеха указанной работы Рикардо, которая не отличалась ни литературными достоинствами, ни оригинальностью и самостоятельностью содержания, был связан с тем, что в ней был представлен новый метод. Рикардо «сумел сочетать в одно законченное, проникнутое общим замыслом целое разрозненные, не связанные между собой теоретические проблемы... На системе Рикардо можно демонстрировать и сильные, и слабые стороны абстрактно-дедуктивного метода. Единство теоретического замысла и последовательность его развития покупаются дорогой ценой отчуждения от реальной, живой действительности... этот метод неизбежно ведет к упрощению и схематизации, а при неудачном выборе основных предпосылок — к прямому извращению фактов».¹ И дело не в узости кругозора Рикардо, не в незнании им фактов и истории (эти получившие широкое распространение представления о Рикардо, как показывает В. Штейн, не подтверждаются новей-

---

Леонид Дмитриевич ШИРОКОГРАД — заслуженный деятель науки РФ, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории СПбГУ. В 1961 г. окончил экономический факультет ЛГУ. Кандидатскую диссертацию защитил в 1965, докторскую — в 1981 г. Сфера научных интересов — история экономической мысли, методологические проблемы экономической теории. Автор более 100 научных работ, в том числе трех монографий.

© Л.Д. Широкоград, 2005

шими исследованиями), а в том, что он «не боялся становиться в противоречие с этими знаниями, если того требовала неумолимая логика его системы».²

С абстрактно-дедуктивным методом Рикардо неразрывно связано «стремление к механизации экономической жизни, к превращению хозяйствующего субъекта в счетную машину, подчиненную всемогущей воле природы».³ Сокровенная суть механицизма этого рода состояла в том, что «производительная способность народного хозяйства оказывается ограниченной “количеством капитала”». Социально-психологическому фактору, сознательной человеческой деятельности... не отводится в хозяйственной жизни сколько-нибудь заметной роли. Рикардо как будто не представлял себе, что одни и те же материальные ресурсы могут дать в разных руках далеко не одинаковый экономический эффект. Он не предвидел возможности острых кризисов, когда, несмотря на неизменность “количества капитала”, экономическая жизнь разом расстраивается и сокращается народный доход. Он забывал о том, что в народном хозяйстве имеется свободный фонд рабочей силы, средств производства, денежных капиталов, который может быть использован при изменении конъюнктуры. Ему была чужда мысль о постоянной смене в психике хозяйствующих субъектов волн пессимизма и оптимизма... Короче говоря, Рикардо напрасно думал, будто народное хозяйство ограничено в своем развитии материальными средствами, тогда как в действительности эти средства – лишь мертвый материал для изменчивых, не укладывающихся ни в какие predetermined рамки, творческих замыслов человека».⁴

Разбирая теорию распределения Рикардо, В. Штейн подвергает критике представления ряда исследователей о том, что он был односторонним и пристрастным выразителем интересов класса денежных капиталистов, рассматривавших рабочих лишь как орудие обогащения для капиталистов. Он доказывает, что Рикардо был весьма далек от предпринимательской точки зрения: «Скорее, для него решающей инстанцией является интерес потребителя».⁵

Отмечая «упорное тяготение Рикардо к трудовой теории ценности», В. Штейн в то же время считает необоснованными выводы тех экономистов, которые на этом основании пытались доказать, что Рикардо был близок к «социалистическому трудовому учению, превратившему труд в “вещную субстанцию” ценности» или даже что он был прямым предтечей Маркса.⁶ Более того, он показывает, что Рикардо вообще «отвергал социализм как менее производительную форму экономического бытия».⁷

В. Штейн считает устаревшим и не соответствующим действительности представление Рикардо о том, что свободная воспроизводимость благ и абсолютная подвижность труда и капитала являются отличительными особенностями промышленной деятельности в отличие от сельскохозяйственной. Соответственно, нет оснований для строгого разграничения доходов, получаемых в промышленности и в сельском хозяйстве. «Понятие неограниченной конкуренции – предпосылка, не оправдываемая фактическими условиями ни в одной области народного хозяйства. Монопольный характер земельного дохода не в большей мере создает ему обособленное положение среди других видов дохода, чем разнообразие природных условий и дифференциация издержек производства в земледелии. Развитие теоретической экономики, несомненно, идет в сторону упразднения мнимых различий в образовании цен и получении доходов от

разных видов собственности. Вся необъятная сфера благ, апроприруемых человеком, подчиняется единому закону ценности. Доход от капитала ничем не отличается от прочих цен».⁸

Указанный недостаток, характерный не только для Рикардо, но и для всей классической политэкономии, был связан с тем, что она увязывала распределение доходов с исторически сложившейся в конкретной стране и в конкретное время классовой структурой общества. В частности, некоторые из «логических категорий» Рикардо «одеты в английский костюм начала XIX века... Если решиться от представления о классовой организации общества и заменить “персональную” теорию распределения “функциональной”, то нетрудно убедиться, что единственная разграничительная линия, имеющая действительно принципиальное значение, проходит между доходами от труда и доходами от собственности».⁹

Особенно В. Штейн критикует Рикардо и всю классическую школу за недооценку экономической роли предпринимательской деятельности и непонимание характера предпринимательского дохода. «Представление о предопределенности доли рабочего количеством накопленного капитала, с одной стороны, и количеством населения — с другой, и отсутствие идеи о руководящем значении предпринимателя для успеха предприятия — оба эти момента в учении классиков были в равной мере продиктованы идеей механизированного хозяйствующего субъекта».¹⁰

В целом, хотя В. Штейн и провозглашает в своей работе, что «наша задача заключалась не столько в критике классической доктрины, сколько в изображении идейных ростков, возникших и развившихся на ее почве», именно критическая линия его анализа оказалась представленной особенно сильно. По его мнению, идейная эволюция этой доктрины «заводит теоретическую мысль в тупик... нужно согласиться с теми, кто объявляет классическую доктрину “закрывшейся страницей интеллектуальной истории”, кто утверждает, что крах ее обусловлен не победой внешних врагов, а внутренним омертвлением: “историческая школа взяла штурмом крепость, гарнизон которой состоял из инвалидов”. Основной дефект классической системы заключается, однако, не в конкретном содержании ее отдельных конструкций, как бы ошибочны последние ни были. Прежний абстрактно-математический метод, трактующий хозяйство как механизм и стремящийся выразить в кратких упрощенных формулах управляющие им “естественные законы”, оказываются непригодным орудием изучения и у представителей психологической школы... Очень легко показать, что даже научные системы таких столпов школы, как Бем-Баверк, Кларк, Шумпетер, основаны на полной механизации экономической жизни».¹¹

В короткий период политической оттепели, начавшейся с провозглашением нэпа весной 1921 г. и закончившейся летом 1922 г., В. Штейн достаточно откровенно высказывал свои критические оценки экономической политики большевиков. Он редактировал оппозиционный петербургский журнал «Экономическое возрождение», был активным сотрудником журнала «Экономист», который В.И. Ленин назвал «органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.»,¹² а также «явным центром белогвардейцев».¹³ В одной из опубликованных в этом журнале статей, приветствуя учреждение Государственного банка «как первый этап возрождения на-

шей кредитно-денежной системы», он в то же время подчеркивает, что пока не будет произведена унификация бумажно-денежного обращения в той или иной форме и, что особенно важно, пока не будет стабилизирована ценность рубля, «вновь учреждаемый Государственный банк осужден влачить жалкое, анемичное существование».¹⁴ В другой статье он пишет о необходимости передачи в частные руки крупной промышленности.¹⁵

В ходе мощного идеологического наступления, которое предприняла РКП(б) во второй половине 1922 г., указанные журналы были закрыты, а многие их сотрудники высланы за границу. Решение о высылке В.М. Штейна также было принято, но вскоре отменено «на основании... отзыва тов. Межлаука».¹⁶ В решении этого вопроса принимал участие зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихт.¹⁷ Это событие ясно показало В.М. Штейну, что свободное исследование злободневных политико-экономических вопросов в Советской России уже невозможно. И он переключается на изучение далеких от современности проблем. В 1923–1924 гг. он публикует две работы по истории экономической мысли, которые, будучи обращены в прошлое, по самой своей природе носили более академический характер, чем прямые выступления по актуальным вопросам экономической политики.

В 1923 г. к двухсотлетию со дня рождения А. Смита В. Штейн издает монографию, посвященную анализу жизни и творчества великого экономиста.¹⁸ В 1924 г. он публикует I том фундаментального исследования по истории экономической мысли, которое он предполагал издать в трех томах. Его структура должна была выглядеть таким образом: I том — физиократы и классики, II том — утопический и научный социализм, III том — историческая школа, психологическая школа и новейшие теории. Приступая к этой работе, В. Штейн поставил перед собой задачу «познакомить русскую читающую публику, хотя бы в общих чертах», с накопившимися за первую четверть XX в. «новыми, весьма ценными материалами, часто проливающими неожиданный свет на многие из отдельных эпизодов идейной эволюции, для которых у историков политической экономии выработался уже давно известный шаблон».¹⁹

К сожалению, II и III тома этой работы так и не вышли в свет. В несколько измененном виде в I том, в частности, вошли монография В. Штейна об А. Смите и его академический доклад о Д. Рикардо, прочитанный в 1917 г.

Своеобразие этой книги состоит не только в том, что ее автор опирается на новейшую для того времени источниковую базу. Очень важно и то, что В. Штейн широко представляет читателю подлинные взгляды тех экономистов, о которых пишет, подлинные оценки крупнейших европейских историков экономической мысли за последние четверть века: в книге сотни цитат и ссылок на старых экономистов и философов и на новейших исследователей, что позволяет не только в точности передать суть тех или иных теорий, но и воспроизвести общекультурный фон, на котором они создавались, аромат соответствующих эпох, различия в научном кругозоре разных авторов, их позиции по важнейшим философским и политическим вопросам, характер научных контактов крупнейших экономистов прошлого, накал теоретических и политических дискуссий, происходивших в различные эпохи, и степень вовлеченности в них старых экономистов, эмоциональную и стилистическую окраску классических произведений экономической литературы. Книга знакомила читателя с подлинными

взглядами не только тех экономистов, которым она посвящена, но и их наиболее выдающихся оппонентов, с теми контраргументами, которые выдвигались ими в полемике с идейными противниками. В целом можно сказать, что В. Штейн как бы погружает читателя в те эпохи, когда жили изучаемые им экономисты, что дает возможность воспринимать их учения в конкретно-историческом контексте, как органическую часть идейной и всей общественной жизни своего времени.

В. Штейн исходит из того, что «история экономических идей представляет смену не отдельных мнений, а цельных, законченных систем».²⁰ И в его книге речь идет об этой смене законченных теоретико-экономических систем. Начинается она с характеристики смены меркантилизма физиократизмом. Впрочем, для меркантилистов было характерно как раз то, что они так и не дали законченной теоретической системы. Они были социальными алхимиками и верили в социальные чудеса. Эта вера проявилась не только в грандиозном эксперименте Джона Ло, направленном на стимулирование расцвета народного хозяйства посредством усиленных выпусков бумажных ценностей — банковых билетов и акций, но прежде всего в понимании меркантилистами движущих сил экономического развития. «Господствует убеждение в необыкновенной силе законов, — в возможности достигать замечательных успехов при помощи ордонансов, указов, декретов. В народном хозяйстве, самом по себе, недостаточно зиждательной энергии: оно нуждается в умелом направлении, регулировании, воспитании».²¹ Выступая с идеей искусственного стимулирования общественного благосостояния, меркантилисты стремились *организовать* промышленность и тем самым превращали ее «в тепличное растение, за которым нужен непрестанный и заботливый уход».²² В этой связи В. Штейн приводит мнение «одного из самых наблюдательных экономистов второй половины XVIII в.» Галиани о народном хозяйстве как «предмете администрации».²³ Чрезвычайно злободневно звучит приведенное В. Штейном замечание Галиани об опасности внезапного перехода от государственной регламентации торговли хлебом к ее полной и неограниченной свободе. «Свобода в снабжении себя пищей, сразу данная кому-либо, издавна отученному об этом думать, есть гибельный дар... такая неожиданная перемена опасна».²⁴ Введение свободы вывоза хлеба неизбежно должно привести к огромному росту хлебных цен, а это Галиани рассматривал как «самый резкий толчок и самый опасный, какой только можно дать государству».²⁵

Меркантилисты приносили в жертву промышленности интересы сельского хозяйства, которое только и могло обеспечить надежный рынок сбыта для ее продукции. «Поэтому тепличная меркантилистическая промышленность обнаруживает крайнюю неустойчивость своих жизненных сил... Ее часто постигают жестокие кризисы, потрясающие до основания ее немощное тело. Меркантилизму лишний раз пришлось убедиться в ненадежности приемов, применяемых им для ускорения процесса общественного обогащения».²⁶

В XVIII в. на смену вере в социальные чудеса приходит идея естественной закономерности, которая действует не только в природе, но и в обществе. Она становится фундаментом всех общественных наук, в том числе и политэкономии. На этом методологическом фундаменте базировалась система физиократов. Последние вели бескомпромиссную борьбу с попытками меркантилистов поставить под опеку государства все народное хозяйство, но все же и в их

концепции сохранялись атаквистические остатки веры в социальные чудеса. Они проявились в наделении физиократами земли благодатной способностью производить чистый продукт. Не случайно главу о физиократах В. Штейн называет «Аграрный мистицизм».

В. Штейн дает яркие характеристики виднейших представителей физиократизма; описывает острую борьбу с их «сектантскими проповедями», которую вели в XVIII в. Гримм, Ленге, Галиани, Неккер; анализирует методологические основы физиократического учения, теории чистого продукта, классовой структуры общества, заработной платы, прибыли, капитала, денег, цен, налогов, наконец, знаменитую «Экономическую таблицу» Кенэ.

При оценке учения физиократов в целом В. Штейн подчеркивает важность замечания К. Маркса о том, что «теория минимума заработной платы вполне правильно образует стержень всей физиократической доктрины». Выявляя коренное отличие физиократов от Маркса, он в то же время признает «удивительное сходство их построений»: «И физиократы, и Маркс признают существование чистого продукта (у Маркса он получает название прибавочной ценности); сам Маркс в I томе “Капитала” ставит знак равенства между этими понятиями. Обе доктрины вместе с тем исходят из предположения, что рабочий получает не весь продукт, производимый при помощи его труда. Обе они допускают, что рабочий вынужден довольствоваться необходимым минимумом.²⁷ Обе доктрины считают, что избыток присваивается каким-то классом, отличным от рабочих».²⁸

В своей «Истории политической экономии до А. Смита» А. Онкен писал, что работе Кантильона «недостает в особенности той важной морально-философской основы, которая характеризует системы Кенэ и Адама Смита». Приводя это высказывание Онкена, В. Штейн добавляет: «Эта “великая морально-философская основа” была, по-видимому, всесторонним отражением того широкого умственного течения, которое получило имя Английского Просвещения».²⁹ Характеристика связи экономического учения Смита с идеологией Английского Просвещения мастерски дана в третьей главе книги В. Штейна. «В каждой строке “Богатства народов” вы вдыхаете аромат философских настроений века. Исторические, социологические, психологические концепции громоздятся одна на другую в мозгу нашего шотландского философа, и он спешит пропитать их насыщенным раствором свои экономические категории».³⁰

В. Штейн отмечает, что А. Смит, как и все представители Английского Просвещения, исходил из постулата о природной одинаковости всех людей, игнорировал человеческую индивидуальность, для него было характерно натуралистическое понимание социальных явлений. Он подчеркивает, что, несмотря на убедительность доводов в пользу тезиса о большой или, по крайней мере, равной с сельским хозяйством производительности промышленности, А. Смит так и не смог до конца преодолеть физиократическую веру в особую физическую производительность земли. «При таком взгляде на значение физического плодородия почвы для общественного благополучия естественно, что Смит и его последователи считали земледелие фундаментом народного хозяйства и совершенно не предвидели подготавливавшегося уже в их время грандиозного размаха английской промышленности, который должен был затмить сельское хозяйство и оттеснить его на задний план... Мысль его глубоко статична. Из его системы

как бы выхвачена основная пружина всякой динамической идеологии — идея развития производительных сил... Он не чувствовал пульса экономического прогресса».³¹

Интересно указание В. Штейна на то, что «Смит ближе всего к сердцу принимает интересы рабочих»,³² что он «черпал вдохновение для своей красноречивой критики правительственного вмешательства в экономическую жизнь далеко не в стремлении поспособствовать предпринимательской наживе. Всякая эксплуатация широких масс населения своекорыстными представителями английской буржуазии вызывала со стороны Смита категорическую отповедь».³³

Размышляя о судьбах учения Смита, В. Штейн писал, что XIX в. безжалостно разбил светлые надежды смитианцев на неограниченную конкуренцию и свободную торговлю. Выразилось это в возрождении идеи государственного вмешательства в экономику. С одной стороны, «воскресает в новых формах меркантилизм» с его тенденциями ограничить свободу конкуренции на мировом рынке посредством введения различного рода протекционистских мероприятий. С другой стороны, выдвигается социалистическое учение с многочисленными его ответвлениями, в основе которого лежит представление о планомерном, руководимом из единого центра народном хозяйстве».³⁴ В неоднократных сближениях В. Штейном меркантилистской и социалистической политики государственного вмешательства в экономику можно уловить скрытую критику социализма. О том, что только свобода предпринимательской деятельности может обеспечить подлинный экономический прогресс, по мнению В. Штейна, свидетельствуют многие исторические факты. В частности, он ссылается на известный эпизод из экономической истории Англии, когда, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны земледельческих классов, в конце XVIII в. английский капитал хлынул не в сельское хозяйство, а в промышленность и тем самым «направил Англию на рельсы индустриализма».³⁵

В книге 1924 г. гораздо большее внимание, чем до революции, В. Штейн обращает на социальную проблематику, а именно на социальные аспекты рассматриваемых им теорий. При этом экономисты прошлого критикуются за игнорирование интересов неимущих классов, учет же ими этих интересов получает высокую оценку. Так, он пишет, что «вся тяжесть несения сурового, в глазах самого Мальтуса, обета целомудрия *падает на неимущие классы*, так как детям богачей нечего бояться угрозы нищеты даже при многочисленности семьи. Таким образом, Мальтус склонен еще усугубить имущественное неравенство непропорциональным распределением между общественными классами “нематериальных благ” семейного уюта и счастья».³⁶ В другом месте, сочувственно отмечая, что «Мальтус удачно предвосхищает содержание современных споров об евгенике», В. Штейн далее пишет: «Любопытно, что Мальтус отвергает возможность улучшения расы путем обречения на безбрачие “всех людей, отличающихся меньшим совершенством”, но не задумываясь, настаивает на таком безбрачии для всех неимущих. Если можно требовать “самообуздания” от рабочего класса, почему то же средство оказывается неприменимым к худшим в биологическом отношении элементам! Мальтус более жесток к рабочим, чем к дегенератам!».³⁷ Классическая политэкономия подвергается критике за то, что ее «естественные законы» «как нельзя лучше устраивали судьбу имущих классов».³⁸

Более осторожным становится и его отношение к социализму и марксизму. Так, если в 1917 г. он доказывал, что Д. Рикардо «просто отвергал социализм, как менее производительную форму экономического бытия»,³⁹ то в 1924 г. при переработке этого текста он заменяет приведенную фразу на следующую: Рикардо «лишь сомневался в возможности длительного существования социалистического строя». ⁴⁰ О Мальтусе говорится, что он «старается подорвать веру в осуществимость социалистических идеалов» «не столько аргументами, сколько живописными образами». ⁴¹ Употребляется даже чисто марксистская категория «товар–рабочая сила», причем при характеристике взглядов представителей до-марксовской классической школы, которые, как известно, не использовали это понятие. ⁴² Девятая глава книги называется «Вульгаризация классического учения», эпиграфом к ней взят фрагмент из предисловия К. Маркса ко второму изданию I тома «Капитала», где говорится о замене «беспристрастного научного исследования», характерного для классиков, «недобросовестной и злонамеренной апологетикой» ⁴³ (правда, характеристика процесса углубления внутренних противоречий рикардианской системы, который привел в конечном счете к ее разложению, дается главным образом на основе анализа документов по истории Лондонского клуба политической экономии, впервые изданных в Англии в год столетия этого клуба в 1921 г.); рикардианская политэкономия, как и утопический социализм начала XX в., рассматривается им как «предтеча» марксизма. ⁴⁴

Работы В. Штейна 1917–1924 гг. по истории экономической мысли не вызвали большого резонанса в экономической литературе. Доклад о Д. Рикардо был сделан им накануне Октября 1917 г. В первые послереволюционные годы, когда российская экономическая наука понесла тяжелые потери (закрытие многих печатных изданий, эмиграция и гибель крупнейших экономистов и т. д.), когда небывалую дотоле актуальность и остроту приобрели вопросы экономической политики, вопрос об экономических взглядах Д. Рикардо не мог привлечь внимания экономистов-теоретиков. Вместе с тем уже в первые послереволюционные годы государство все более энергично ставит под контроль развитие экономической науки, которая постепенно загоняется в «прокрустово ложе» марксизма. Попытки независимого исследования в области теоретической экономии или истории экономической мысли в условиях нэпа вначале в определенных достаточно узких пределах формально допускались, но наталкивались на все более резкую и грубую критику, а затем и прямые преследования. По мере того как немарксисты все более изолировались и фактически лишались возможности заниматься научной деятельностью, идейные бои не на жизнь, а на смерть разворачиваются между теми учеными, которые провозглашали себя марксистами, за право представлять это учение (наиболее показательны в этом смысле дискуссии между «идеалистами» и «механистами» в советской экономической науке второй половины 1920-х годов).

Многие из них были искренне преданы марксизму, но в соответствии с принципом партийности даже мысли не допускали о том, что и понимание марксизма может быть различным. Процесс этот умело регулировался государством: чем более унитарным оно становилось, тем большей унитарности оно требовало от общественных наук, тем в большей степени эти науки нацеливались на решение чисто идеологических задач, тем все более нетерпимым становилось любое, даже малейшее, даже кажущееся отклонение от догматически

понимаемого и санкционированного властью марксизма. В этой обстановке зачастую сектанты и фанатики от науки (иногда весьма ученые) и просто приспособленцы вытесняют из науки настоящих ученых, воспитанных в дореволюционных российских университетах, где в начале XX в. экономическая наука достигла мирового уровня. Борьба ведется за то, чтобы доказать, что та или иная концепция ближе к «духу» марксизма. Те авторы, которые не ставили перед собой такой цели, становились либо малоинтересными, либо совсем неинтересными. Они как бы оказывались вне науки. В действительности это было проявление неизлечимой болезни, поразившей советскую экономическую науку, — болезни, в конечном счете приведшей ее к гибели. Болезнь эту можно было бы назвать нетерпимостью к инакомыслию, категорическое отрицание принципа свободы творчества.

Работы В. Штейна по истории экономической мысли отнюдь не претендовали на марксистское освещение соответствующих проблем, хотя его книги 1923–1924 гг. демонстрировали гораздо более лояльное отношение автора к марксизму, чем более ранние его работы. Потому и не привлекли большого внимания в 1920-е годы, а позже практически и вовсе были забыты. В начале 1926 г. В. Позняков в рецензии на книгу И.И. Рубина «Физиократы. Очерк из истории экономической мысли» (Л.; М., 1926) писал: «Наша экономическая литература о физиократах не отличается богатством; она, пожалуй, ограничивается известным очерком Маркса в I томе “Теорий прибавочной стоимости”, да еще старой (переводной) книжкой Гиггса о физиократах, если не считать различных историй политической экономии, где учение физиократии излагается ex professo, и притом не столько излагается, сколько искажается. Источник искажения при этом лежит не в субъективных целях и намерениях этих историков экономической мысли, — хотя и это бывает, — а в моменте объективного порядка — в специфической ограниченности их мировоззрения: все подобные “Истории” принадлежат ведь перу буржуазных экономистов! Подобные, преломленные сквозь призму буржуазной точки зрения, представления о физиократах со страниц “Историй” проникают также и в марксистскую литературу. Вообще... дать действительно объективную, научную историю экономической мысли, по нашему глубокому убеждению, может только марксистская школа».⁴⁵

В.М. Штейн не принадлежал к этой школе, поэтому его историко-экономические работы в то время не вызвали значительного интереса. Все же крупнейший в 1920-е годы советский специалист по истории экономической мысли И.И. Рубин в своей книге о физиократах, не давая общей оценки анализа В.М. Штейном новейших материалов о них, трижды вступает с ним в полемику. Во-первых, он полагал, что «нельзя согласиться в полной мере с резким суждением В.М. Штейна, который говорит, что “надежда физиократов улучшить положение сельского хозяйства во Франции путем насаждения крупнокапиталистической культуры” была в то же время *последней отчаянной попыткой спасти дворянское землевладение во Франции*».⁴⁶

Во-вторых, И.И. Рубин считает неточным утверждение В.М. Штейна о том, что «физиократы соединяют природу и общество в одно целое, подчиняя их единой космической закономерности».⁴⁷ Он пишет, что «такое объяснение, верно подмечающее одну из особенностей мышления Кенэ, совершенно, однако, недостаточно для понимания его учения о физическом законе. Ведь Кенэ не толь-

ко проводит параллель между моральными и физическими законами, но базирует первые на последних... Под *нарушением физических законов* Кенэ... чаще всего понимает действия, наносящие ущерб *целесообразному и рациональному ходу производства*. Первенствующая роль физических законов в системе естественного права Кенэ тесно связана с той первенствующей ролью, которую в своей экономической системе он отводил успехам *земледельческой техники и земледельческого производства*... Отсюда вытекает общее правило, что «положительное законодательство не должно вторгаться в область физических законов»... Протест против вторжения правительства в область физических законов означает протест против устарелого принудительного регулирования производственной техники, в земледелии — посредством принудительного севооборота и прочих пережитков феодальных общинных порядков, в промышленности — посредством стеснительной регламентации производства». ⁴⁸

В-третьих, И.И. Рубин критикует В.М. Штейна за то, что он якобы приписывает физиократам идею об отсутствии какой-либо разницы между торговыми и промышленными издержками. Анализируя тексты Ф. Кенэ, он показывает, что для него вознаграждение торговцев оплачивается земледельческим, т. е. производительным классом, в то время как «промышленное население ни в малейшей степени не оплачивает торговых расходов (да оно и не в состоянии это делать, так как само получает только от того же земледельческого класса необходимые для себя средства существования)...». ⁴⁹

Критические замечания И.И. Рубина были лишены каких-либо обвинений идеологического характера. Это была чисто научная полемика. И.И. Рубин был очень тонким мыслителем, его анализ классических работ по политэкономии современники образно сравнивали с плетением кружев. По всем трем пунктам разногласий с В.М. Штейном его позиция представляется более точной и правильной. Интересно отметить в этой связи, что, полемизируя с В.М. Штейном по вопросу о соотношении между промышленными и торговыми расходами, И.И. Рубин ссылается на авторитет Й. Шумпетера, который отмечал, что физиократы все же понимали, что экономическая природа промышленности и торговли различна. ⁵⁰

В знаменитой «Истории экономической мысли» И.И. Рубина, выдержавшей четыре издания в период с 1926 по 1930 г., в приложении к отделу об А. Смита говорится: «Недурной очерк всех сторон системы Смита (хотя с теоретической стороны местами недостаточно ясный) см. в книжке: В. Штейн. Адам Смит, 1924 г.». ⁵¹ В других отделах этой книги, как и в прочих работах И.И. Рубина по истории экономической мысли, никаких упоминаний о В.М. Штейне нет. В опубликованной в 1928 г. статье И.А. Давыдова о Д. Рикардо переписка последнего с Т. Мальтусом цитируется по рассматриваемой книге В.М. Штейна. ⁵² Один из наиболее известных советских специалистов по истории политэкономии в 1930-е годы Д.И. Розенберг дает ссылку на книги В.М. Штейна «Развитие экономической мысли» и «Адам Смит» в первом издании своей «Истории политической экономии», а во втором издании — также на доклад В.М. Штейна о Д. Рикардо в Российской Академии наук в 1917 г. ⁵³

В середине 1920-х годов, а тем более позже книга В.М. Штейна в принципе уже не могла получить объективную научную оценку. Уже в это время важнейшим критерием оценки такого рода работ становится использование ис-

ключительно марксистской методологии. Характеризуя свою книгу «Рикардо и Маркс. Опыт параллельного исследования их экономических систем», В. Чернышев с гордостью писал: «Методом Маркса буквально пронизаны все части моей книги, и на этот методологический стержень посажена методология Рикардо. В этом вся сущность моей книги...».⁵⁴ Впрочем, это не спасло его от беспощадной критики, прежде всего за «непростительное непонимание методологических основ марксовой экономической теории...».⁵⁵ За весьма ограниченную попытку сделать критические замечания в адрес одного из классиков марксизма по вопросу, имеющему частное значение, осуждается даже марксист И.И. Рубин.⁵⁶

В. Позняков, обративший внимание на это «грехопадение» И.И. Рубина, в целом весьма высоко оценивает его книгу, утверждая, что «она представляет лучшее, что наша высшая школа имеет по истории экономической мысли». Все дореволюционные «Истории...», по его мнению, «сильно устарели и мало пригодны», «новые» же «Истории» (например, Лященко и др.) «оставляют желать многого».⁵⁷ По всей видимости, к тем «Историям», которые «оставляют желать лучшего», В. Позняков относил и книгу В.М. Штейна.

Как видно из представленного анализа, и в истории экономической мысли В.М. Штейна привлекала прежде всего возможность использовать теоретический опыт прошлого для решения жгучих современных проблем. Совсем убежать от современности ему не удалось. Но те выводы, которые он иногда не решался формулировать в явном виде, но которые объективно вытекали из его исследования, а главное, — применявшийся им метод анализа, весьма далекий от того, чтобы рассматривать в качестве критерия истины соответствие тех или иных теоретических положений учению К. Маркса, не могли получить поддержки во все более идеологизировавшейся официальной советской науке 1920-х годов. В.М. Штейн не помещался в «прокрустово ложе» новой «научной» парадигмы. Советская система постоянно отвергала его, чем бы он ни занимался, — вопросами денежной политики, историей западной или русской экономической мысли, проблемами экономической географии Азии, экономической историей древнего и современного Китая и др. Он был постоянной мишенью критики и в конце концов угодил в тюрьму. Сейчас, однако, есть возможность дать объективную научную оценку вклада в науку этого замечательного ученого, привлечь внимание исследователей и читателей к его блестящим научным трудам, в том числе по истории европейской экономической мысли. Мы полагаем, что они давно заслуживают переиздания.

---

¹ Штейн В.М. Давид Рикардо // Известия Российской Академии наук. 1917. Пг., 1917. С. 1317–1318.

² Там же. С. 1320.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 1323.

⁵ Там же. С. 1328.

⁶ Там же. С. 1340, 1342.

⁷ Там же. С. 1319.

⁸ Там же. С. 1523.

⁹ Там же. С. 1515–1516.

¹⁰ Там же. С. 1526.

¹¹ Там же. С. 1527–1529.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 31.

- ¹³ Там же. Т. 54. С. 266.
- ¹⁴ *Штейн В.М.* По поводу восстановления Государственного Банка // *Экономист.* 1922. N 1. С. 162–163.
- ¹⁵ *Штейн В.М.* Нищета и роскошь // *Экономист.* 1922. N 2. С. 22.
- ¹⁶ Выписка из протокола I заседания Комиссии НКВД «по пересмотру ходатайств об отмене высылки лиц, о которых соответствующими учреждениями делались заявления об оставлении на местах» от 31 августа 1922 г. // Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 117.
- ¹⁷ Сопроводительная записка 81589 секретариата Коллегии ГПУ в Главпрофобр от 2 сентября 1922 г. // Там же. С. 120–121.
- ¹⁸ *Проф. В.М. Штейн.* Адам Смит. Личность и учение. Пг., 1923.
- ¹⁹ *Проф. В.М. Штейн.* Развитие экономической мысли. Т. I. Физиократы и классики. Л., 1924. С. 3–4. — Под новыми материалами В. Штейн имел в виду работы Г. Велерса об общем ходе физиократического движения; Гюнтцберга — о государственных и социологических концепциях физиократов; Л. Шейниса — об их политических взглядах; монографии Г. Шелля о Дюпон де Немуре, Кенэ и Гурнэ; новое издание тем же автором сочинений Тюрго в 5 томах (завершено в 1923 г.); переписку Д. Рикардо; лекции А. Смита; письма Д.Ст. Милля; весьма ценные документы по истории лондонского клуба политической экономии; «Экономические анналы XIX в.» В. Смита (Ч. I. 1801–1820. Лондон, 1910; Ч. II. Лондон, 1917) и др.
- ²⁰ *Проф. В.М. Штейн.* Развитие экономической мысли. Т. I. С. 20.
- ²¹ Там же. С. 9.
- ²² Там же. С. 18. Курсив В. Штейна.
- ²³ Там же. С. 10–11.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Там же. С. 10–11.
- ²⁶ Там же. С. 18.
- ²⁷ Здесь В. Штейн был неправ: Маркс не был сторонником теории минимума средств существования.
- ²⁸ *Проф. В.М. Штейн.* Развитие экономической мысли. Т. I. С. 46–47.
- ²⁹ Там же. С. 98.
- ³⁰ Там же. С. 89.
- ³¹ Там же. С. 101–102.
- ³² Там же. С. 130.
- ³³ Там же. С. 135.
- ³⁴ Там же. С. 139.
- ³⁵ Там же. С. 240.
- ³⁶ Там же. С. 221–222. Разрядка В. Штейна.
- ³⁷ Там же. С. 226.
- ³⁸ Там же. С. 228.
- ³⁹ *Штейн В.М.* Давид Рикардо. Пг., 1917. С. 1319.
- ⁴⁰ *Проф. В.М. Штейн.* Развитие экономической мысли. Т. I. С. 184–185.
- ⁴¹ Там же. С. 224.
- ⁴² Там же. С. 227.
- ⁴³ Там же. С. 240.
- ⁴⁴ Там же. С. 267.
- ⁴⁵ Под знаменем марксизма. 1926. 1–2. С. 276.
- ⁴⁶ *Рубин И.И.* Физиократы. Очерк из истории экономической мысли. Л.; М., 1926. С. 141 (курсив И.Р.). — Интересно, что в Ленинграде была издана книга другого крупного экономиста — П.И. Лященко «История экономических учений». Физиократизм в ней также рассматривается (хотя и с некоторыми оговорками) как реакция класса землевладельцев против буржуазии. Эта точка зрения подвергается критике А.Ф. Коном, который писал: «Физиократы, проповедывавшие свободу личности и личной инициативы, передвигавшие центр внимания экономической науки из сферы обращения в сферу производства и требовавшие перенесения всей тяжести налогового обложения на класс земельных собственников, были, несомненно, выразителями интересов нарождавшейся промышленной буржуазии» (*Кон А. Рец. на: Лященко П.И. История экономических учений. Л., 1924 // Печать и революция. 1925. N 3. С. 196*). Попытка П.И. Лященко, в недавнем прошлом последователя В. Зомбарта и сторонника «конструктивно-исторического» метода, представить ортодоксально-марксистскую концепцию истории экономической мысли, с точки зрения А.Ф. Кона, является совершенно неудачной. Приветствуя не без изрядной дозы сарказма «капитуляцию» П.И. Лященко перед марксизмом, а также то обстоятельство, что «революция во взглядах уважаемого профессора совершилась чересчур быстро, слишком катастрофически», он характеризует эти изменения как полную мимикрию под марксизм. При этом, в частности, отмечается, что К. Марксу и его последователям отводится меньше страниц, чем А. Сми

или Д. Рикардо или «последователям классической школы (эпигонам!)» (Там же. С. 195–197). В.М. Штейн в 1924 г. был еще дальше от К. Маркса, чем П.И. Лященко. Поэтому рецензия на его книгу, если бы она появилась в то время, могла бы быть лишь еще более разгромной.

⁴⁷ Штейн В.М. Развитие экономической мысли. С. 37.

⁴⁸ Рубин И.И. Указ.соч. С. 50–52 (курсив И.Р.).

⁴⁹ Там же. С. 112.

⁵⁰ Там же. С. 109.

⁵¹ См., напр.: Рубин И.И. История экономической мысли. М.; Л., 1929. С. 359.

⁵² См.: Давыдов И.А. Давид Рикардо как теоретик естественной закономерности хозяйственной жизни // Записки Научного общества марксистов. 1928. N 1(9). С. 72.

⁵³ См.: Розенберг Д. История политической экономии. Ч. I. М., 1934. С. 298; Розенберг Д.И. История политической экономии. Т. I. М., 1940. С. 473, 477.

⁵⁴ Чернышев В. Несколько слов моему невнимательному рецензенту // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. 1. С. 329.

⁵⁵ Лурье Д. Ответ В.Р. Чернышеву // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. 1. С. 337.

⁵⁶ Позняков В. Рец. на: Рубин И.И. История экономической мысли. М.; Л., 1926 // Под знаменем марксизма. 1926. N 12. С. 219.

⁵⁷ Там же. С. 218.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2005 г.